

Г. А. МЕНОВЩИКОВ

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЕДИНИЧНОСТИ
И МНОЖЕСТВЕННОСТИ В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНОГО ТИПА

Категории количества, времени и пространства, являясь объектом исследований математиков и философов, в то же время как понятийные категории, выражающиеся средствами языка, подлежат компетенции лингвистов — с точки зрения выявления и установления многообразных формальных средств и способов обозначения в языках этих понятийных категорий. В этом направлении за последние десятилетия было немало сделано советскими языковедами, выполнившими огромную работу по изучению грамматического строя языков различных систем. Особый интерес вызвала проблема выражения единичности и множественности (количества) в языках различного типа. Было установлено, что понятийные категории единичности и множественности не тождественны грамматической категории числа. Грамматическое число представляет собою лишь один из многих способов обозначения в языке этих категорий¹.

Понятия количества получают неодинаковое отражение в грамматической категории числа в языках различного строя. Об этом именно свидетельствуют факты ряда языков коренных народностей Сибири и других языков, сопоставляемые в настоящей статье.

Ниже не затрагивается вопрос о системе логических обозначений различных типов множеств методом противоположений (определенное — неопределенное, конкретное — дискретное и т. д.)². Мы не касаемся также различных аспектов выражения категории количества (единичности и множественности) посредством местоимений и числительных, видových и залоговых форм глагола, склонения и спряжения, наречий и сте-

¹ См. об этом: А. А. Холодович, Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке, «Уч. зап. [ЛГУ]», Серия филол. наук, 10, 1946; А. П. Рифтин, Из истории множественного числа, там же; И. М. Тронский, К семантике множественного числа в греческом и латинском языках, там же; В. И. Ципицус, Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках, там же; С. А. Козин, К вопросу о показателях множественности в монгольском языке, там же; К. А. Новикова, Очерки диалектов эвенского языка, ч. 1, М.—Л., 1960, стр. 125—141; П. Я. Скорок, Грамматика чукотского языка, ч. 1, М.—Л., 1961, стр. 139—155; Г. А. Меновщikov, Грамматика языка азиатских эскимосов, ч. 1, М.—Л., 1962, стр. 118—125; В. З. Нафиллов, Грамматика шивхского языка, ч. 1, М.—Л., 1962, стр. 91—118; А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, ч. 1, Братислава, 1954, стр. 100—103; Б. А. Себреиников, Историческая морфология пермских языков, М., 1963; В. И. Дегтярев, Развитие лексико-грамматических классов собирательных и вещественных имен существительных в русском языке XI—XVII вв. Автореф. канд. диссерт. Ростов-на-Дону, 1965; Г. Ф. Благова, Тюркский аффиксальный плеоназм..., ВЯ, 1968, 6 (к статье прилагается большой список литературы по вопросам плеонастических и других способов выражения множественности в тюркских и других языках); М. А. Кузмахов, Число и грамматика, ВЯ, 1969, 4 (в статье анализируется обширный материал по способам выражения грамматического числа в языках абхазско-адыгской группы с типологическими параллелями из других языков).

² Вопрос этот рассматривался А. А. Холодовичем (указ. соч., стр. 16—21).

пеней сравнения, хотя подобное выражение характерно для многих языков разных систем³. Здесь сопоставляются лишь универсальные способы выражения единичности и множественности именами существительными посредством грамматических форм числа и категории собирательности, передаваемой в различных языках семантически, морфологически и синтаксически.

Единственное число в большинстве языков обозначается назывной формой имени (нулевая форма). Между тем эта же форма имени в зависимости от речевой ситуации понятийно может означать обобщенную множественность (ср. «морж лежит на льдине» и «морж во множестве появился в проливе»). Следовательно, грамматическая форма ед. числа, используемая, казалось бы, для выделения единичности конкретного предмета, в то же время употребляется для обозначения множества предметов, понимаемого как одно целое. Так, например, в ряде сибирских языков и во всех тюркских языках имена существительные, которые называют отдельные однородные предметы, формой ед. числа обозначают как единичность конкретного предмета, выделяемого из массы однородных предметов, так и обобщенное множество таких предметов. В тунгусо-маньчжурских языках, например, форма ед. числа существительных употребляется для обозначения как одного предмета, так и группы однородных предметов⁴: существительное *орон* в эвенском означает «олень, олени, стадо оленей», а форма мн. числа этого слова (*орор*) употребляется лишь в редких случаях для обозначения дистрибутивного множества.

Использование ед. числа имени для обозначения обобщенного множества широко применяется в большинстве языков мира. Особенно часто это случается при сочетании существительных со словами обобщенно-собирательной семантики, принадлежащими различным частям речи. В языке азиатских эскимосов к таким словам относятся, например, *џафсина* «сколько», *тамаџаџ* «каждый», *игуан* «все», *углаџлуку* «много», *палаџалуку* «мало» и т. д., например: *џафсина йук* «сколько человек», *тамаџаџ йук* «каждый человек» в значении «все люди», *углаџлуку айвыџ* «много-будущи морж» в значении «много моржей». В чукотском: *нымыкыџин џораџы* «много олень» в значении «много оленей», *тџэркин ыннээн* «мало рыба» в значении «мало рыбы»⁵.

Только в ед. числе и для обозначения е д и н и ч н ы х предметов (*singularia tantum*) употребляются существительные, обозначающие имена собственные (антропонимы, топонимы и т. д.), имена отвлеченные (типа «зоркость», «тьма», «одиночество» и т. п.), некоторые имена вещественной семантики (типа «тесто», «сало», «молоко»), имена отдельных небесных тел («солнце», «луна»), названия стран света («юг», «восток», «запад», «север») и некоторые другие. Но и в этом разряде слов не существует единообразия по языкам различного строя. Особенно пеструю картину относительно выражения единичности и множественности дают и м е н а с у щ е с т в и т е л ь н ы е в е щ е с т в е н н о й с е м а н т и к и. То, что представляется нетипичным для одного языка, является нормой для другого. Так в русском языке имена вещественной семантики типа «мясо», «сало», «молоко», «кровь» не имеют форм мн. числа, а в языках чукотско-камчатской семьи они свободно образуют эти формы, как и формы двойств. числа; например, в корякском языке: ед. *кинуџи* «мясо» — дв. *ки-*

³ См. об этом: И. М. Т р о н с к и й, указ. соч., стр. 54; В. И. Ц и н ц и у с, указ. соч., стр. 73—74; А. П. Р и ф т и н, указ. соч., стр. 37.

⁴ В. И. Ц и н ц и у с, указ. соч., стр. 74; К. А. Н о в и к о в а, указ. соч., стр. 136.

⁵ Г. А. М е н о в щ и к о в, указ. соч., стр. 122; П. Я. С к о р и к, указ. соч., стр. 154.

нуцват, мн. *кинуцвав'*; *молож* «молоко» — дв. *молокат*, мн. *молокав'*; *мыткымыт* «жир» — дв. *мыткыт*, мн. *мытку*; *кив'ыл* «кровь» — дв. *кив'ылти*, мн. *кив'лу* ⁶. В чукотском и ительменском языках, где нет двойств. числа, имена вещественной семантики соответственно принимают формы ед. и мн. числа, например: ительм. *тх'лтх'л* «мясо» — мн. *тх'лтх'л'*; *лук'ен* «молоко» — мн. *лук'ен*; чукот. *тыргытыр* «мясо» — мн. *тыргыт*; *лывээр'ын* «молоко» — мн. ч. *лывээр'ыт* ⁷. Двойств. и мн. числа имен вещественной семантики в указанных языках обозначают не части или меры веществ, а их исчислимое (два) или неисчислимое (большое) количество.

Типологически сходную картину образования мн. числа от имен вещественной семантики обнаруживаем также в самодийских и угорских языках. Так, в ненецком языке имена этого типа образуют следующие формы: *намза* «мясо» — дв. *намзаха'*, мн. *намза''*; *м'лака* «молоко» — дв. *м'лакаха'*, мн. *м'лака''*. Имена вещественные в ненецком языке согласуются в числе с определяющими их словами — в предложениях *Коровито' м'лакидо' паляд''* «Коров-их молоко густое», и *Ты'' намзидо' чо'' сава''*. «Оленей мясо хорошее» имена вещественные *намза* «мясо» и *м'лака* «молоко» даны в притяжательных формах мн. числа, поскольку эти вещества осознаются как принадлежность многих предметов (в данном случае коров и оленей). В том и другом случае речь идет не о разных сортах или частях мяса и молока, а о единой массе этих веществ, полученной от многих коров и оленей (по-русски искусственно можно было бы сказать: «хорошие мяса», «густые молоко»). То же самое в хантыйском языке: *н'бхи* «мясо» — дв. *н'бхен*, мн. *н'бхит*; *в'ур* «кровь» — дв. *в'урен*, мн. *в'урет*; *с'ук* «бусы» — дв. *с'укен*, мн. *с'укет*. В ненецком и хантыйском языках двойственное число имен вещественных обозначает не только разложимость веществ на части по каким-либо признакам, но и общее количество однородного вещества, полученного от двух источников ⁸.

В языке азиатских эскимосов имена вещественной семантики типа *ныка* «мясо», *пара* «масло», *авк* «кровь», *кику* «глина», *ика* «грязь», *кымли* «пух», *пари* «смола», *пуйук* «дым», *таг'йук* «соль» и др., обозначающие совокупность сплошной неисчисляемой массы однородных элементов, в своем вещественном значении употребляются только в форме ед. числа. Но все они могут принимать формы двойств. и мн. чисел, когда возникает необходимость указания на их качественную (сортовую), количественную (штучную) или пространственную выделяемость. Так, *ныка* «мясо» в двойств. числе — *ныгык* — будет означать «два сорта мяса», «мясо в двух сосудах», «мясо в двух местах», а во мн. числе — *ныгыт* — «разные сорта мяса», «много сосудов с мясом», «мясо во многих местах»; *пуйук* «дым» — дв. *пуйуык* «два разных по цвету дыма», «дым в двух местах» — *пуйуыт* «разные по цвету дымы», «дым во многих местах» и т. д. Аналогичные значения имеют формы числа вещественных существительных и в нивхском языке ⁹.

Следует отметить, что двойств. число, обозначающее исчислимое множество (парную совокупность однородных предметов) при именах вещественных указывает обычно на две отделимые части одного и того же вещества независимо от его количества, тогда как мн. число этих же имен знаменует как множество частей (сортов) вещества, так и его большое количество. Корякскими фразами *Кинэйыл кинуцвав'* «Дай мне мяса (мно-

⁶ Примеры из корякского языка даны А. Н. Жуковой.

⁷ Примеры на ительменском языке сообщены нам А. П. Володиным, на чукотском — П. И. Инэликем.

⁸ Примеры на ненецком и хантыйском языках получены от Н. М. Терещенко, и Н. И. Терешкина. См. также: П. И. Терешкина, Очерки диалектов хантыйского языка, ч. 1, М.—Л., 1961, стр. 32.

⁹ В. З. П а н ф и л о в, указ. соч., стр. 109, 110.

го)», *Кинэйыл кинүцват* «Дай мне два (куска) мяса» и *Кинэйыл кинүңи* «Дай мне мяса» прозрачно иллюстрируется противополжение двойств. и мн. чисел имен вещественной семантики, где слово *кинүцват* «мясо» (мн. ч.) указывает не на раздельную множественность, а на большое количество однородного вещества.

Имена вещественные в большинстве привлекаемых к рассмотрению языков не имеют особых морфологических признаков, которые отличали бы их от других семантических групп имен существительных. Особое место занимают чукотско-камчатские языки, где вещественные существительные, а также существительные, обозначающие сыпучие и мелкие тела, образовались из удвоенных основ, вторая часть которых в большинстве случаев усечена. Характерно и то, что в этих языках удвоенная основа означает неопределенное число предмета (вещества), а одинарная, оформленная суффиксом мн. числа (в корякском — также двойств. числа), — множественность предметов. Например: чукотск. яз. *тыргытыр* «мясо» — мн. *тырг-ыт*, *йыңайың* «туман» — *йыңэ-т* «туманы», *мыткымыт* «жир» — *мыткы-т* «жиры» (некоторые имена этого семантического ряда во мн. числе сохраняют удвоенные основы: *лелел* «роса» — мн. *лелел-ты*, *пиңпиң* «пыль» — мн. *пиңпиң-ыт*; корякск. *ипиип* «дым» — дв. *ипи-т*, мн. *ипи-в'*; *мыткымыт* «жир» — дв. *мыткы-т* — мн. *мытк-у*; *йыңайың* «туман» — дв. *йыңа-т* — мн. *йыңа-в'*; ительм. *т'ит'им* «дым» — мн. *т'и'и*).

Имена существительные вещественно-собираетельной семантики с повторными основами типа *пиңпиң*, *йыңайың* в чукотско-камчатских языках означают одиночные предметы, состоящие из неисчисляемой массы однородных элементов. В форме ед. числа имена с повторными основами указывают на предмет как на единое целое, в форме двойств. или мн. числа — на два или несколько разрозненных предметов.

Между тем способ редупликации в ряде языков, как правило, используется для обозначения множественного числа названного первой основой предмета, ср. маньчж. *чжалан* «поколение» — *чжалан-чжалан* «поколения», казах. *ауыл* «аул» — *ауыл-ауыл* «аулы», малайск. *orang* «человек» — *orang-orang* «люди», шумер. *kur* «страна» — *kur-kur* «страны»¹⁰. Удвоение основ, по мнению А. П. Рифтина, является одним из древнейших способов выражения множественного числа¹¹. Чукотско-камчатские языки вносят существенные уточнения в понимание имен с удвоенными основами. Первоначально редупликация выражала не мн. число, а к о л и ч е с т в о однородного вещества, парность или множество однородных предметов, являющихся составными элементами отдельного предмета, например, в чукотском: *тинтин* «лед», *лиглиг* «яйцо», *киевкив* «сутки», *кылкыл* «клубок», *нымным* «селение», *мыймый* «съедобный корень», *чотчот* «изголовье», *вишвиш* «тень», *черичер* «грязь», *тилитил* «струя», *нутнут* «земля», *элеэл* «лето»; с усеченными вторыми основами: *пылмыпыл* «Мгза», *тылмытым* «кочка», *тыргытыр* «мякоть (мясная)», *тумгытум* «друг»¹². В отличие от других языков в чукотском одиночные основы таких имен не употребляются самостоятельно в именительном падеже, однако вторая, усеченная основа отпадает при словоизменении (например, *йыңэйың* «туман» — *йыңэ-т* «туманы» — *йыңэ-тэ* «туманом»). Таким образом, можно полагать, что корневые морфемы имен с удвоенными основами имели

¹⁰ См.: В. И. Ципициус, указ. соч., стр. 76; «Современный казахский язык», Алма-Ата, 1962, стр. 152; А. А. Реформатский, Введение в языковедение, М., 1967, стр. 287; А. П. Рифтин, указ. соч., стр. 40; ср. шумерскую фразу, приведенную А. П. Рифтиным: *d'en-lil lugal kur-kur-ra ab-ba dingir-dingir-ri-ne-ge* «Эвليل, царь всех стран, отец всех богов» (там же, стр. 40)

¹¹ Там же.

¹² П. Я. Скориц, указ. соч., стр. 144, 146—147.

в этом языке в раннюю пору его развития самостоятельное употребление, но затем были использованы для образования слов вещественно-собира-тельной семантики.

Следует, однако, сказать, что посредством редупликации в отдельных языках обозначается не только увеличение количества (а также усиление степени признака), но и уменьшение количества (или ослабление степени признака), что исключает ее понимание как универсального способа выражения множественности¹³.

Лексикализовавшиеся формы как двойств., так и мн. числа (*pluralia tantum*), представляющие собой во многих языках имена существительные так называемого предметного множества, с точки зрения семантической передают предметы и явления, понимаемые как единичные, но состоящие из множества образующих предмет или явление однородных элементов. Например, в эскимосском: *күйүгит* «северное сияние», *қалыат* «водоворот», *мысунаыт* «гребешок», *кылат* «узор на одежде (вышивка)», (-т — суффикс. мн. числа); *куйк* «река», *қамайук* «нарта», *кульык* «штаны» (-к — суффикс двойств. числа)¹⁴.

Понятийная категория множественности в языках различных систем, кроме грамматических способов (формы числа), выражается способом морфологического основообразования, посредством которого образуются производные имена существительные с собирательным значением. Такие имена формой ед. числа означают совокупность множеств неделимых и количественно нечисли-мых однородных предметов. В этом смысле множественность, обозначаемая именами собирательными, противопоставляется дискретному множеству, реализующемся, как правило, грамматически в формах мн. числа.

Существуют различные семантические типы имен собирательной семантики. Так, например, в эскимосском языке (науканский диалект) такие имена образуются посредством суффиксов -*лгун*, -*мкы*, -*йозак*, -*мсухёнақ*, -*нку*, -*талы*, -*лгы*. Имена с суффиксом -*лгун* означают группу однородных предметов (*анйа-лгун* «группа байдар», *йу-лгун* «толпа»), с суффиксом -*мкы* — обобщенное множество однородных предметов (*йу-мкы* «народ», *пыйухты-мкы* «зверье») ¹⁵, с суффиксом -*мсухёнақ* — выделительное множество (*агна-мсухёнақ* «только женщины», *қавиллу-мсухёнақ* «только лисы»). Суффикс -*йозак* имеет сходное значение с суффиксом -*мкы*; суффикс -*нку* образует имена коллектива: в двойств. числе — комитативность (*Миша-нку-к*, *Парина-нку-к* «Миша и Парина»), а во множественном — собирательность (*Куйана-нку-т* «люди Куяны», «семья Куяны»). Имена с суффиксом -*талы* означают совокупное множество, степень мощи, силы, величины, размера (*углазталы* «множество», *умельхтуталы* «мощь, сила», *ыкхтуталы* «высота», *анталы* «рост, величина»), с суффиксом -*лгы* — протяженность в длину (*игнелгы* «леска», *гухутылгы* «цепь»). Такое же специализированное значение форм собирательности, образуемых посредством различных аффиксов, наблюдается в чукотско-камчатских, тунгусо-маньчжурских, нивхском, финно-угорских и ряде других языков Сиби-ри¹⁶.

¹³ Ср.: Б. А. Успенский, Отношения подсистем в языке и связанные с ними универсалии, ВЯ, 1968, 6, стр. 15.

¹⁴ Г. А. Меновщikov, указ. соч., стр. 120—125. Эскимосские примеры для данной статьи взяты из науканского диалекта.

¹⁵ Суффикс -*мкы* заимствован азиатскими эскимосами из чукотского языка (см. выше примеры из чукотского и корякского языков).

¹⁶ См., например: П. Я. Скoрiк, указ. соч., стр. 315, 317, 319—320, 322, 336; В. И. Циндиус, указ. соч., стр. 88—96; К. А. Новикова, указ. соч., стр. 138;

Значение собирательности может быть выражено и аналитическим способом посредством сочетания имени предметной семантики со словом обобщенного собирательного значения. Так, в ненецком языке таким собирательным словом выступает *мáндал'*, которое отдельно означает «стадо, группа, стая, совокупность», а в сочетании с другими словами — конкретное значение собирательной множественности, например, *ненэцие'' мáндал''* «голна» (дв. *ненэцие'' мáндалк'*, мн. *ненэцие'' мáндалáд''*), *ты'' мáндал''* «стадо оленей», *хо''мáндал''* «березняк» и т. д.¹⁷

По-разному в языках различного строя выражаются понятия парности. В одних языках — посредством застывших форм двойств. числа, в других — мн. числа, в третьих — путем аналитических сочетаний существительных с числительными и т. д. Особый интерес в этом отношении представляют тунгусо-маньчжурские языки, в которых существительные, обозначающие парные предметы, оформлены собирательным суффиксом -л (он используется и как суффикс мн. числа). Например в эвенском *чал* «руки; рука», *ббдыл* «ноги; нога», *ясыл* «глаза; глаз». Для того, чтобы обозначить один из парных предметов, здесь используется аналитическое сочетание соответствующих существительных со словом *гáд* «половина», например: *гáд чал* «одна рука» (буквально «половина рук»), *гáд ббдыл* «одна нога» («половина ног»), *гáд ясыл* «один глаз» («половина глаз»). Подобный же способ обозначения одного предмета из пары посредством добавления слова «половина» применяется в монгольском языке: *гар* «рука», «руки» — *óргелл гар* «пол-рука», т. е. «рука»¹⁸. В нивхском языке существительные в форме ед. числа, обозначающие парные предметы, указывают на совокупность двух однородных предметов, а иногда на один из членов совокупности — *тот* «рука» и «руки», *ныт'х* «нога» и «ноги», *ки* «сапог» и «сапоги»; обычно же для обозначения одного из парных предметов также используется сочетание соответствующего существительного со словом *н'васа* «одна половина». В форме мн. числа такие существительные употребляются лишь в значении дистрибутивной множественности (*тотху* «руки», *ныт'ху* «ноги») ¹⁹. В некоторых финно-угорских языках выделение единичного предмета из парных предметов, понимаемых как единое целое, осуществляется, как и в тунгусо-маньчжурских и монгольском языках, способом подстановки слова «половина», например: коми-зырян. *сип рбв* «один глаз», венг. *fel labam* «одноногий», марийск. *кид* «рука», «руки», *пел кид* «одна рука» (дословно: «пол-рука»), *шинча* «глаз, глаза́», *пел шинча* «один глаз» (дословно: «пол-глаза») ²⁰.

В некоторых языках формы мн. числа существительных обозначают единичные предметы. Так, например, в японском языке слово *ко* первоначально означало «ребенок», а затем в этом значении стало употребляться слово *кодомо*, где формант *-домо* восходит к одному из показателей мн. числа (см. *онна-домо* «женщины»). Между тем, мн. число слова *кодомо* «ребенок» стало обозначаться суффиксами *-тати* и *-ра*: *кодомотати* или *кодомора* «ребенок» ²¹.

Особое место занимает способ отражения в языке специфических представлений о предметах, которые находятся от говорящего на далеком рас-

В. З. П а н ф и л о в, указ. соч., стр. 102—103; Б. А. С е р е б р е н н и к о в, Существовали ли в протоуральском языке именные классы?, ВЯ, 1969, 3.

¹⁷ Ненецкие примеры сообщены Н. М. Терещенко.

¹⁸ К. А. Н о в и г о в а, указ. соч., стр. 139; С. А. К о з и н, указ. соч., стр. 122.

¹⁹ В. З. П а н ф и л о в, указ. соч., стр. 106, 107.

²⁰ Б. А. С е р е б р е н н и к о в, Историческая морфология пермских языков, стр. 93; Н. Т. П е н г и т о в, Сопоставительная грамматика русского и марийского языков, Ишкар-Ола, 1958, стр. 53—54.

²¹ М. К н э д а, Грамматика японского языка, М., 1958, стр. 81; А. А. Х о л о д о в и ч, указ. соч., стр. 27—28.

стоянии. В языке азиатских эскимосов (науканский диалект) отмечено своеобразное логическое совмещение понятий о количестве и пространстве. Одиночный предмет, находящийся от говорящего на далеком (едва обозреваемом) пространстве, представляется как неопределенное множество и обозначается в форме мн. числа. Далекое расстояние и зримый объект как бы сливаются в единое понятие неопределенного количества, представляемое именем во мн. числе, например: *Айвыгыт агыпсуграммы пухтут* «Кит в мареве (в дымке на горизонте) всплыл» (дословно: «Киты в мареве всплыли»); *Пажуның гытхының туйусимапут иқалзут* «С того верхнего (дальнего) озера принесли мы рыбу» (дословно: «С тех верхних озер принесли мы рыб»); *Айыат агыпсуграммын кәсималгит* «Байдара к мареву (к дымке на горизонте) приблизилась» (дословно: «Байдара к мареву приблизились») ²². Употребление форм мн. числа в тех случаях, когда объект находится на далеком расстоянии, характеризует особенность мышления древних охотников, для которых неопределенная пространственная протяженность представлялась трудно преодолимой для движения к объекту. Дальность расстояния до объекта передавалась формой, мн. числа имени, называющего данный объект, а до возникновения этой грамматической формы в этих случаях употреблялись неоформленные имена с собирательным значением.

Одинаковые структурно-типологические способы обозначения категории количества (единичности и множественности) в языках различного строя, по-видимому, нет оснований сводить только к генетическому родству этих языков; они могли возникнуть под влиянием сходных условий общественной жизни, определяющих сходное же по содержанию и языковой передаче мировоззрение. Обозначение представлений о большом количестве вещества посредством мн. числа имен вещественно-собирательной семантики, например, в языках чукотско-камчатской (чукотский, корякский) и угорской (ненецкий, хантыйский) групп, или обозначение мн. числа способом редупликации основ в тех же чукотско-камчатских и далеко отстоящих от них языках иных систем — маньчжурском, малайском и шумерском — объясняется именно типологическим сходством у слов и в общественной жизни и мировоззрения посетителей этих языков. В то же время в различных условиях общественного развития носителей родственных языков, отделившихся друг от друга в далеком прошлом, возникают различные структурные способы языковой передачи тех же самых представлений: таковы, например, различия в выражении грамматических форм числа в чукотском и корякском языках ²³. Сравнительно-типологические сопоставления способов выражения понятийных категорий единичности и множественности в языках различных систем представляют интерес для лингвистов в том отношении, что они способствуют установлению как универсальных способов определения указанных явлений языка, так и выявлению специфических особенностей их в отдельных языках.

²² Для обозначения многих предметов при аналогичной ситуации употребляются числительные (*талымат айыат* «пять байдара») или же аналитические сочетания имени со словами собирательно-обобщающей семантики (*угляғлуку айыағ* «много байдара», дословно: «много-будучи байдара»).

²³ «Языки народов СССР», V, Л., 1968, стр. 253, 273—274.